

Ген. Трашкевич 2

См. 10
Кни

ОБЩЕДОСТУПНАЯ БИБЛИОТЕЧКА

Геннадий Мартович Прашкевич

Подножье тьмы

текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164651

Аннотация

Геннадий Мартович Прашкевич – лауреат премии Гарина-Михайловского. Известен многими книгами, входит в десятку лучших фантастов России, но пишет и другую прозу: историческую, детективную, научно-популярную. Есть у него и сборники стихов, и любопытная публицистика.

Содержание

Глава I	5
1	5
2	11
3	19
4	27
Глава II	33
1	33
2	41
3	47
Глава III	54
1	54
2	64
3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Геннадий Прашкевич ПОДНОЖЬЕ ТЬМЫ

*Прекрасное – это та часть ужасного, которую
мы можем вместить.*

Р.-М.Рильке

Глава I

«ХОРОШИЙ СПУТНИК ПОМОЖЕТ ИЗБЕЖАТЬ СЛУЧАЙНЫХ СВЯЗЕЙ...»

7 июля 1994 года

1

– Ты чего, тетя Зин? – Шурик наклонился над балконными перилами. – Только семь стукнуло, а ты ругаешься. Рано. Соседей разбудишь.

– Будто они спят!

– А что делают?

– Водку пьют.

– С утра? – Шурик, не веря, взглянул на часы, точно семь. – Они что, еще не ложились?

– Ляжешь тут!

– Да что случилось, тетя Зин? – рассердился Шурик.

– А то! – тетя Зина укоряюще, даже неодобрительно глянула снизу вверх на Шурика и уголком подола, она была в фартуке, вытерла заплаканные глаза. – Ты бы тоже пил с утра, случись такое!..

– Такое! Сякое! Ты толком говори! – окончательно рассердился Шурик. – Я три дня дома не был. Командировка. Что там у соседей случилось?

– Мишка нашелся!

– Мишка? Он что, терялся?

– Дурак ты бесчувственный! – тетя Зина снова промокнула уголком подола заплаканные сверкающие глаза. – Ты Леньку, Мишкиного отца, знаешь, внизу, во второй квартире живет. Вчера, значит, пошел турецкий хлеб покупать. Сам знаешь, турецкий дешевле. А привозят его с утра. А сам до хлеба не дошел, дошел до пивнушки. А Мишка с ним был. Он мальчишку, значит, пристроил в тени, а сам забеседовался. Там его приятелей-алкашей как мух. Сплошное жужжание. Кружку поставь, все обсудят. Особенно то, чего не знают, – соседка вдруг мстительно сжала губы. – Вот и добеседовался Ленька! Кликнул парнишку, а парнишки нет. Три года парнишке, пошел четвертый. Разговаривает во всю, развитый, такого жалко терять. Ленька и туда, и сюда – в магазины, в ларьки, весь хмель из него вынесло, потом жалел, сколько денег зря угробил на пиво, а парнишки нигде. Домой прибежал, за три квартала, будто Мишка трехлетний мог сам вернуться домой. Машка, жена, сам знаешь, женщина серьезная. Она сперва сразу Леньку убить хотела, потом так сказала: сына не найдем, тебя убью и сама повешусь. А ей, Машке, можно верить. Я к ней прибежала, говорю: Маша! Мишке уже почти четыре, он свой адрес должен помнить, дом хотя

бы, милиция его найдет, по радио уже объявили, ты, главное, не торопись в решениях, он найдется – Мишка-то! А Машка в рев: не знаешь, что ли? В Городе банда орудует. Бандиты вот таких мальчишечек завлекают, а потом продают специальным людям. Ну, тем, у которых деньги есть, а здоровье ни к черту! Я даже испугалась, глядя на Машку. Она весь квартал, она все три квартала вокруг той пивной обыскала, заглянула в каждый люк, в каждый колодец, в подвалах побоблела всю пыль, вот и пьет сейчас. Ты же знаешь, Машка к водке не тянется, она если и выпивает, то только из презрения к Ленке и только по праздникам, а сейчас сама в киоск сбегала. А Ленка, наоборот, не пьет. Ленка рядом с Мишкой сидит и за руку парнишку держит. На работу, говорит, не пойду сегодня. Ну, Евсеевы зашли к ним, Сапожникова. Меня Машка послала в милицию, я милиционерам сказала – нашелся парнишечка, а милиционеры как стали меня допрашивать! – да тот ли, дескать? да не чужой ли? да где нашли? Ну и все такое! Еле-еле от них отбилась. Искать не ищут, а поговорить мастаки! А парнишечку, засранца Мишку, так, по его словам, его тетка какая-то привела. А где был все время? Да, говорит, у тетки вот был, вроде как в гостях. Он у нее даже спал. У нее игрушек много. А потом, когда поспал, они чай пили. А потом гулять пошли. А потом, говорит, я потерял тетку. А как тетку звать? А, говорит, не знаю. А где дом, где ты спал? А, говорит, не знаю. Мишка, он же весь в Ленку – придурочный. Его бы пороть почаще, так

Ленька и без того его бьет. Вот нагулялся. Машка уже из-за него пьет!

– Ну и дура, – сказал Шурик. – Чего пить? Радоваться надо, нашелся!

– А с радости не пьют? – возразила тетя Зина, теперь уже откровенно недоброжелательно снизу озирая Шурика. – Спустился бы да слово доброе сказал соседям.

– Сделаю, – пообещал Шурик.

– Живешь, ничего тебе не интересно. – пожаловалась тетя Зина, ей явно хотелось поговорить. – Жизнь соседей тебе не интересна. Не зря Лерка от тебя ушла. Погоди, припечет еще!

– Да меня, тетя Зин, и так припекает.

– Вот я и говорю, не зря Лерка от тебя ушла!

– Точно! – развеселился Шурик. – Зачем ей жить с таким?

И спросил:

– А как Мишка попал домой? Кто его нашел?

– А сам пришел! В шесть утра Машка, как почувствовала, к окну подошла. Светло уже – лето. А парнишка, засранец, сопит себе во дворе. И в дом не идет, в песочнице возится. Нравится ему – рано, никого вокруг нет. Ну, Машка в рев – нашелся! И тоже, как ты – кто, дескать, тебя привел? А мы, говорит, с теткой сперва на машине ехали. Ничего толком не поймешь! Наверное, нашлась душа добрая, подобрала ребенка. А, может, из соседей кто помог, довел парнишку до дома. Выспросил, что да где, вот и привел. Другой бы какой

денег слупил с родителей, а тут с пониманием – довели парнишку чуть ли не до дверей и оставили. Бог таких любит, – перекрестилась тетя Зина. – Дай Бог им здоровья!

– И сколько не было дома Мишки?

– Почитай сутки.

– Ну и дела...

– А ты думал!

Тетя Зина вдруг таинственно поманила Шурика рукой, будто он мог прямо с балкона спуститься к ней.

– Слышь, Шурик?... – Было видно, сама она тоже приложилась к рюмочке, душа у нее горела. – В городе, говорят, банда действует! Отлавливают детей, особенно молодых парнишек, а потом продают всякой сволочи. Знаешь ведь сам, деньги у сволочи всегда есть, а здоровье не всегда хорошее. Вот они и лечатся за чужой счет, обновляют себя, органы всякие заменяют! Детишек как сырье закупают – одних целиком, других частями.

– Как это частями?

– Ну как! Одному почки, другому селезенка, третьему, скажем, глаз, а?... – тетя Зина испытующе всматривалась в Шурика, сочувствует он или нет? – Все аккуратно, значит, пакетов, сам знаешь, хватает...

– А Мишка как? – не поверил Шурик. – Мишку же, сами говорите, целым вернули! А он и не пучеглаз, и почки у него крепкие! Чего ж такого вернули. Ленька вон говорит, Мишка никогда в постели не писался.

– Ну, Ленька! – пренебрежительно махнула рукой тетя Зина. – По пьяни он такое и про Машку говорит... Не он ведь привел парнишку. Он его только потерял. – Она вдруг растерянно развела руками. – Добрался вот Мишка как-то. Никто и не знает – как. А добрался, добрался. Оставил бандитов с носом. Не попользуются им теперь сволочи!..

Она вдруг обеспокоилась:

– Слышь, Шурик! А, может, Мишка не так уж здоров, а? Отец – алкаш, мамаша опять же... Может, Мишку там, в банде, осмотрели, обследовали, нашли что-то такое, ну и подкинули обратно – забирайте, мол, своего уroda! Ленька ведь его только так и зовет. Может, Мишку надо на обследование вести?...

Было видно, тетя Зина незамедлительно, прямо сейчас бросится к счастливым соседям.

Шурик усмехнулся:

– Вы, тетя Зина, больше не пейте. Если потеряете Мишку вы, Машка вас точно убьет.

2

– Садись, – сказал грубый Роальд. – Видел газеты?

– Нет еще.

– Астрологический гороскоп. Читаю. «Партнер может неожиданно изменить свои планы на эту неделю, а причины вряд ли покажутся вам убедительными». Ну, как?

– Это тебе?

– Ну нет. Я не телец. – Роальд с холодным удовлетворением добавил: – Тебе, айс вайс! – И добавил холодно: – Айс вайс. Кажется, капердифен!

– Ты пюс пропустил.

– Какой пюс?

– Ну, Леня Врач говорит! Айс вайс пюс, говорит. Потом только капердифен. Я точно помню – там пюс! А у тебя без этого слова.

– Садись, – Роальд ухмыльнулся. – У нас полчаса, может, и меньше. Садись, молчи и внимательно слушай.

– Сейчас придет наш новый клиент, – объяснил Роальд, холодно гипнотизируя Шурика. – Наш новый, наш серьезный клиент. С этого часа ты работаешь только на него. Нашему клиенту не нравится поведение его жены. Его жена работает в крупной фирме. Название, как всегда, нелепое – «Делон». Подозреваю, что Ален Делон тут не при чем. Более того, подозреваю, что указанная фирма значительно мощней и

крупней, чем можно думать, изучая ее финансовые отчеты...

– Ну, помнишь, – вдруг ухмыльнулся Роальд. – Как айсберг, у которого над водой торчит лишь какая-то его часть.

Роальд буквально гипнотизировал Шурика:

– Продолжаю. Нашему клиенту не нравится поведение его жены. Время от времени жена появляется дома поздно. Иногда под самое утро. От нее не пахнет вином или мужским одеколоном, однако объяснения кажутся нашему клиенту неубедительными, слишком ординарными. Они его не устраивают. Внеплановые совещания, внезапные деловые встречи – слишком обычный набор. Он предпочел бы услышать от жены нечто более убедительное. Он хочет знать, чем на самом деле занимается его жена, якобы или действительно находясь в три часа ночи на своем рабочем месте. Особенно его удручает эта подмеченная им действительно необычная деталь: от его загульной жены никогда не пахнет вином или мужским одеколоном. Заниматься развратом, оставаясь трезвым! – это сводит его с ума. Он дошел уже до того, что в самое неподходящее время звонил по всем рабочим телефонам, которые мог найти в записных книжках жены. Почти всегда отвечали чужие мужские голоса, однако трубку тотчас брала жена. Занимайся она любовью, ей просто не проделать бы такое, да и голос у нее не звучал бы так ровно. И все же... Наш клиент, скажем так, обеспокоен. Если даже в постели любовника голос его жены остается столь ровным, значит, она упала на самое дно, она чуть ли не вошла в ряды

профессионалок. Так он сам выразился. Мне такое не придумать... А еще, – недоуменно добавил Роальд, – наш клиент в неурочное время пытался войти в один из филиалов фирмы «Делон». Как ты, надеюсь, догадываешься, его попросту выбросили за дверь. Он якобы требовал вызвать его жену, но его требований не слушали. Ему чуть не сломали руку. На другой день жена объяснила столь жестокое поведение своих коллег вполне законным правом защищать коммерческую тайну. Как ты, надеюсь, догадываешься, нашего клиента и такое объяснение не удовлетворило. Он не желает мириться с тем, что его жена медленно и верно для него самого становится коммерческой тайной. Я женился на женщине, а не на коммерческой тайне, – так говорит он, – назидательно произнес Роальд. Я хочу спать с женщиной, а не с коммерческой тайной, так говорит он. И не тогда, когда это удобно фирме «Делон», а когда мне этого хочется! – Роальд холодно усмехнулся. – Боюсь, он прав, наш клиент. У любой женщины может быть личная жизнь, но не столь поздно и не столь часто. Наш клиент желает, чтобы на него честно и хорошо поработали. Добавлю от себя, он щедр.

– Рогоносец, – без тени сочувствия кивнул Шурик. – Вольно ему платить за шалости деловой жены. Чего ему не хватает?

И подвел итог:

– Самый обыкновенный бытовой рогоносец. Только самые обыкновенные бытовые рогоносцы готовы платить за

подтверждение того, что они действительно являются рогоносцами.

– Не рогоносец, клиент, – холодно поправил Роальд. – Не надо быть таким умным.

– Я и говорю, рогоносец, – согласился Шурик. – Сколько дней он дает нам на улаживание?

– Три дня.

– Фотографии, привязки?

– Возьми.

Роальд протянул Шурику конверт:

– Учти, клиент не скупится. Отнесись к нему с уважением. Платит он баксами, что само по себе неплохо. Сегодня же сядешь даме на хвост. В конверте адреса – квартира, фирма, филиалы фирмы, адреса и телефоны близких друзей, места встреч, места развлечений. Похоже, – усмехнулся он, – среди последних существуют такие, куда путь ее супругу категорически заказан.

Роальд наклонил голову и задумчиво посмотрел на Шурика.

Волосы на висках Роальда казались совсем седыми, но это ничего не значило. Меньше всего хотелось бы Шурику попасть по случаю под его удары, что левой, что правой. Еще меньше Шурику хотелось бы попасть в сферу внимания Роальда, имея он за собой какие-нибудь делишки.

– Потолкуй с людьми, знающими жену клиента, с ее соседями. Глаза у тебя располагающие, как у всякого професси-

онального лгуна. Таким, как ты, верят. Лгунам вообще почему-то верят. – Роальд задумчиво разглядывал Шурика. – Тебе, например, даже идет вранье. Оно у тебя естественное.

– А как с законностью? – ответил Шурик на выпад. – Как со статьей седьмой Закона РФ о деятельности частных детективов? У меня память хорошая, Роальд, я не Иван Лигуша. Как быть с запретом всех видов аудио– и видеозаписи, а также с запретом на сбор любых сведений о личной жизни, о религиозных и политических убеждениях российских граждан? А? Что ты напишешь в контракте?

– Конфиденциальные поручения, – ухмыльнулся Роальд. – Я всегда так пишу. Даже тебя такая формулировка должна устраивать. Наш клиент готов платить за выполнение конфиденциальных поручений. Другое дело, если тебе это не по душе. У меня скопилась масса бумажной работы. Могу усадить на неделю за пишущую машинку. Перепишешь отчеты начисто, приведешь в порядок статистику. Занудное занятие, сам знаешь, но усидчивый молодой человек с хорошей памятью с ним справится.

Повелительные наклонения всегда давались Роальду хорошо:

– Садись за машинку. Я освобожу тебе угол. Бумаги на столе. Это действительно ненадолго. Дней на пять, может, на шесть. В любом случае, не на месяц.

Шурик ужаснулся:

– Дней на пять! Копаться в бумагах! Оставь! Я пошутил.

Конечно, конфиденциальные поручения!

Роальд удовлетворенно кивнул:

– Правильно мыслишь.

И добавил:

– К тому же, речь о любви.

– О любви? – удивился Шурик.

– Человек хочет все знать досконально о любимом существе. Разве это не любовь?

Почему-то Шурик вспомнил о Симе.

Как всегда, в неожиданных возвращениях к Симе было что-то тревожащее. Как заглянуть в омут, достаточно глубокий, чтобы не видеть его дна, и в то же время не столь глубокий, чтобы каким-то вторым зрением не прозревать его таинственную глубинную придонную жизнь, к которой ты, в сущности, не имеешь никакого отношения...

– Я буду работать один?

– Да.

– «Хороший спутник поможет избежать случайных связей...»

Роальд удивился:

– Это цитата?

– Заголовок из газеты. Она прямо перед тобой лежит. Видишь заголовок? «Хороший спутник поможет избежать случайных связей»... Держу пари, это что-нибудь о спутниковой связи...

И на всякий случай уставился в фотографии, вынутые из

конверта.

Женщина на фотографии ему понравилась.

Лет тридцать, но такие женщины и в шестьдесят остаются женщинами.

Открытое взгляд, внимательные глаза, минимум теней. Брови, конечно подведены, но на это только он, Шурик, увидел. Волевое начало – в линиях подбородка, во взгляде. Причем волевое начало именно женское – таких женщин обычно побаиваются, к таким женщинам прислушиваются. И отнюдь не только в постели. Напрасно этот рогоносец тратит такие деньги на слезку, лучше бы ему мирно жить рядом с такой привлекательной женщиной. Какая разница, где она проводит часть ночи. Основное время она все равно рядом. Она, конечно, наставляет мужу рога, но вовсе не из-за вредности. На ее отношениях с мужем это не должно сказываться. Она знает себе цену. К тому же она явно не из тех, кто сознается в содеянном. А это ли не лучшая гарантия семейного счастья?

– Чем она занимается?

– Все вопросы к клиенту.

Роальд взглянул на часы:

– Если не ошибаюсь, это его шаги. Я исчезну на время, поговорите наедине.

И холодно глянул на Шурика:

– Будь повежливей. Это хороший, то богатый клиент, а хорошие клиенты часто бывают обидчивыми. Мы должны

помочь клиенту. В таких делах, – Роальд выпятил нижнюю челюсть, – виноваты обычно жены.

– Не уверен... – начал было Шурик, но в дверь постучали.

3

Он знал, что ошибется.

Редко когда истинное представление о человеке, которого ты никогда не видел, совпадает с тем, которое ты успел о нем создать.

Кандидат в рогоносцы, решил про себя Шурик, должен иметь широкую блуждающую по губам улыбку, виноватые глаза и некую нервность движений, костюм, конечно, помят, речь быстрая и невнятная... Но в контору вошел человек в прекрасно пошитом сером костюме, уверенный и с тростью в руке. Пожатие его руки оказалось крепким, взгляд не блуждал. Уверенный, знающий себя человек. И галстук подобран со вкусом.

«Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...»

Кажется, Сима недавно такое цитировала.

Судя по хорошо поставленной улыбке, новый клиент умел держаться с людьми. Скорее всего, он часто с людьми общался. В его несколько повыцветших глазах Шурик не усмотрел ни отчаяния, ни растерянности.

Оглядевшись, клиент безошибочно понял, что единственное в конторе кресло предназначено для таких, как он, и, не спрашивая разрешения, легко опустился в кресло, зажав трость между ног, сложив на ней руки.

– Я в ярости, – произнес он достаточно хладнокровно. И Шурик сразу вспомнил, где видел этого уверенного человека, утверждающего, что он в ярости.

Зимой, в закрытом зале Дворца спорта сотрудники МВД встречались с прессой. Не на пресс-конференции, а на футбольном поле. Как ни странно, журналисты тогда крепко побили милиционеров, и, кажется, именно этот человек лихо носился по правому краю, даже забил гол.

Пресса...

Наверное, болтун, подумал Шурик. Самоуверенный, все и всех знающий болтун. В прессе таких много... *"Хороший спутник позволит избежать случайных связей..."* Насколько хорошим спутником для жены был этот человек?

– Вы журналист?

Клиент улыбнулся. Он не был болтуном. Он спросил:

– Это имеет отношение к делу?

– Пока не знаю, – пожал Шурик плечами.

– Тогда начнем с того, что имеет отношение к делу.

Шурик кивнул:

– Конечно.

– Я в ярости, – повторил клиент.

– С этого и начните.

– Моя жена работает в крупной фирме. Наверное, слышали – «Делон». Связи с Францией, Швейцарией, Канадой. – Было видно, что клиент хорошо обдумал разговор. – С некоторых пор она стала приносить мало денег. Мы собираемся

покупать более современную квартиру. Моя жена утверждает, что у фирмы сейчас период реконструкции, все средства уходят на создание новых филиалов. Правда, она не объясняет, почему создание новых филиалов должно бить именно по ее карману.

Шурик понимающе кивнул.

– Я в ярости, – повторил клиент. – Я знаю, что дела фирмы «Делон» идут весьма и весьма неплохо, и знаю, что раньше моя жена не любила сорить деньгами. Простой логический вывод: с нею что-то происходит. Может, она проводит много времени в дорогих закрытых заведениях. Ну, знаете... – он на секунду замялся, – таких сейчас много... Или снимает отдельную квартиру. Скажем так, для отдыха... Такое тоже случается. Вам я даже подскажу. Одна квартирка на Ленина... Как там у классика? Подозрительная... Нет, нехорошая квартирка... Я вычислил ее по телефону... Вот там якобы проводятся внеплановые спонтанные совещания... Я пытался туда попасть. Меня, скажем так... не пустили... Я в ярости... Я объяснял – здесь работает моя жена! А меня попросту спустили с лестницы.

Он быстро спросил:

– Может, там бордель?

Шурик неопределенно пожал плечами.

Клиент помолчал, потом сказал строго:

– Я хочу, чтобы вы представили мне подробный отчет. С кем встречается моя жена? Когда? Где? Чем она занимается

на таких встречах? Факты, факты и факты. Разумеется, подтвержденные.

– Вы собираетесь развестись?

– Это мои проблемы.

Шурик кивнул.

Что-то в новом клиенте его настораживало.

Он обрушил на него град вопросов.

Клиент не финтил, не пытался выкручиваться. Если он что-то знал, даже неприятное для него, то не скрывал этого, если чего-то не знал, не пытался строить догадки.

Значит, фирма. Крупная фирма. Связана с зарубежьем. Есть какая-то информация о финансовых нарушениях в ее деятельности? Совсем ничего? Ах, почти ничего! Это не одно и то же. Связано с выплатой налогов? Нет? Ладно. Хотел бы я видеть фирму, ни разу не нарушившую налогового законодательства? Вы такую видели? – удивился Шурик. Ладно. Указанная фирма имеет широкие международные связи. Ах, ваша жена именно ими и занимается! Она часто выезжает в командировки? Довольно часто. Куда? В Марсель, дважды в Торонто. Бывала, естественно, и в Швейцарии. Она ездит одна? С делегацией? Есть кто-то, с кем она ездит в командировки чаще, чем с кем-либо другим? Вы затрудняетесь сказать? Учтите, если вы не будете откровенны, я не смогу по-настоящему вам помочь.

– Я в ярости, – хмуро повторил клиент. Ему не нравились вопросы Шурика.

– И еще. На ваш взгляд. Вы мужчина, вы ее муж, вы знаете ее привычки. В ее общении с вами появилось что-то незнакомое? Может, она не так вас целует, ну, мало ли... Вы меня понимаете?

Клиент задумался. Потом поднял голову:

– Она изменилась. Она стала скрытной. Она ссылается на коммерческие тайны фирмы. Она, как бы это сказать...

– Говорите так, как думаете.

– Она изменилась... Она, кажется, действительно изменилась... Даже когда мы вместе... Ну, вы должны такое знать... Мне все время кажется, что она, даже когда мы вместе, думает о чем-то своем...

– Вместе? Я правильно вас понял?

– Откуда я знаю? – впервые рассердился клиент. – В вашу голову мне не заглянуть.

– У вас есть дети?

– Нет.

– Это ваш первый брак?

– Да, мы живем вместе уже десять лет.

– И у нее это первый брак?

– Да.

– У нее есть привычки, которые вам не нравятся?

Клиент усмехнулся:

– Когда живешь с человеком десять лет, такие привычек накапливается достаточно.

– А конкретно?

– Ну, я уже говорил. Она стала скрытной.

– Сначала это было не так?

– Когда она только начинала работать в фирме «Делон», она делилась со мной всеми новостями. С некоторых пор о работе она предпочитает не говорить.

– Возможно, вы случайно стали виновником утечки какой-то важной информации? Такое бывает.

– Не думаю. Мне просто не нравится ее новый стиль.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, хотя бы эти ее возвращения под утро.

– Она как-то объясняет это?

– Лучше бы не объясняла! Много работы! Она говорит, у нее сейчас много работы. Она настаивает на том, что ее ночные отлучки связаны только с работой.

– У нее есть машина?

– «Тойёта». Служебная.

– Вы можете подсказать, где ее можно видеть чаще всего? Даже, может быть, с кем?

– Это вы должны установить.

– Но у вас есть какие-то предположения?

Клиент усмехнулся:

– Я хочу сверить их с вашими.

– Ладно. – Шурик поднялся. – Но какие-то детали... Кто-то вам намекал?... Или все, о чем вы рассказали, только ваши предположения?

– Вам мало моих предположений?

Шурик пожал плечами:

– Мне кажется, вы умеете держать себя в руках. Вас, наверное, не легко сбить с толку. Но вас разозлили, это чувствуется. Значит, есть что-то еще кроме ваших предположений.

Клиент побагровел:

– Несколько раз за последние две недели мне подбрасывали в почтовый ящик презерватив. Не просто так, а использованный!

– Это могут быть мальчишки. Для них сейчас это не проблема.

– А звонки?

– Какие звонки?

– Телефонные!

– Что же вам говорили?

– Ничего! На том конце провода молчат. Упорно молчат.

Иногда за вечер бывает до двадцати звонков.

– А когда жена дома, это случается?

– Никогда.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Ладно, – сказал Шурик. – Будем и впредь откровенны.

Как мне связаться с вами при необходимости?

– Вот моя визитка. Предпочтительнее связываться по домашнему телефону. По крайней мере не все звонки будут наполнены гнусным молчанием.

Шурик взглянул на визитку.

Он не ошибся.

Он имел дело с газетчиком. На визитке так и значилось: газета «Шанс-2», Сергей Иванович Иваньков, главный редактор.

4

– Ну? – спросил Роальд. – Он тебе понравился? Правда, парень не промах?

Роальда тоже что-то смущало. Обычно он не хвалил клиентов.

– По-моему, он рогоносец, – сказал Шурик. – Не люблю я этого.

– А по-моему, – нахмурился Роальд, – он твой клиент, и это главное. Кем бы он ни был, хоть трижды рогоносцем, с этого момента ты работаешь на него. Он готов заплатить хорошую сумму и мы должны ее отработать.

– Виновному воздастся, – добавил он.

– Ты хотел сказать – виновной?

– Неважно, – отрезал Роальд. – Проступок, как правило, связан не только с тем, кто его совершает.

И добавил:

– Если Иваньков показался тебе человеком тихим и скромным...

– Он мне таким не показался.

– ...то не верь первому впечатлению. Как говорится, не путай опыт с поношенностью. По сведениям газеты «Вместе», Иваньков, возможно, замешан в нескольких крупных аферах. Та же газета утверждает, что наш клиент пьет и ведет безнравственный образ жизни. Она так же утверждает,

что Иваньков пьет на деньги поверивших ему избирателей, и, наверное, будет пить еще больше. Ты ведь уже знаешь, кто он?

– Главный редактор газеты «Шанс-2».

– Вот именно. Дерзкая газетенка, – сказал грубый Роальд. – Зубастая. И богатая. В отличие от упомянутой мною «Вместе», как ни странно, еще и полезная. Будоражит умы. Нечто вроде мусорной свалки, дымящей прямо за твоим окном. А на свалке, если хорошо покопаться, всегда можно наткнуться на что-нибудь интересное. Почти всегда. К тому же людям нравится копаться в мусоре. Вот, возьми пару номеров... – Роальд вытащил из пачки несколько газет. – А еще возьми «Вместе». Видишь девиз? – «Россия вспрянет ото сна!» – Не просто так, да? Издается уже два года. Издатель называет ее независимой. Вот, в этой газетке ты и найдешь кое-что о нашем клиенте. Они друг с друга глаз ни на секунду не спускают – «Шанс-2» и «Вместе». Я всегда внимательно их просматриваю. Почему и говорю – этот Иваньков, он парень не промах. Сам убедишься. Работать на такого одно удовольствие – он с тебя просто так не слезет. Выборы покажут, кем ему быть. Не исключено, что уже осенью он может оказаться депутатом, большим депутатом. По крайней мере так утверждают члены его избиркома. А если этого не произойдет, депутатом станет, скорее всего, сотрудник газеты «Вместе» – некто Неелов Александр Яковлевич. Понял ситуацию? Не знаю, хранятся ли у этого Неелова старые армей-

ские сапоги, но он из тех, кто не отказался бы омыть эти сапоги в каком-нибудь близлежащем океане. Предпочтительнее в теплом.

– Романтик?

– Еще бы! Ты видел таких на площади. Носят костюмы полувоенного фасона и требуют везде навести порядок. Среди них даже поэты есть. Вот послушай.

Роальд развернул газетку:

– «Россия сеяла, роняла черный пот на пашни, но плодов не пожинала: ее до самой нитки обирала орава расплодившихся господ...» Сильно, да? Вот так и далее. На все двести строк. Как говорил когда-то небезызвестный вождь: эта штука посильнее «Фауста» Гете... Нет, погоди. Ты тугодум. Чтобы до тебя дошло, еще несколько строчек.

Достаточно умело, наверное подражая Лене Врачу, Роальд зачитал:

– «Народ, окстись! Не то твои кумиры Россию хуже липки оберут, лаптей понаплетут, распродадут любителям старья на сувениры. Правителям на все и вся плевать, им кушается власть и мягко спится. А лучше бы лаптями подавиться, чем Родиной задаром торговать!»

– Ну и голос у тебя, – сказал Шурик.

– Дело не в голосе. Поэт зависит не от голоса.

– А от чего?

– От глотки.

– Сильно сказано, – искренне признал Шурик.

– Неелов так говорит. Его людей и считают сильными. Они сами считают себя сильными. Они уже сейчас готовы взять на себя, ну, скажем, круглосуточное патрулирование улиц. Они утверждают, если им это позволят, они за неделю наведут в городе порядок, избавят горожан от преступников. По крайней мере, так утверждает Неелов. И люди, окружающие его. Я именно о них говорю.

– А «Шанс-2»? У них есть поэты?

– Есть. Но не такие сильные.

– А ну-ка?

Роальд вытащил номер «Шанс-2»:

– Это, конечно, не крик души, но все же...

И процитировал с чувством:

– «Подумаешь, провинность, лежал возле ларька, – ты попроси, подвинусь, Россия велика... Ведь я не алкоголик, не специально пью, а только пью от боли за Родину свою...»

– Это Иваньков пьет от боли за Родину?

– По крайней мере, его поэты.

– А на какие деньги издается «Вместе»?

– На деньги партии, которая Неелова поддерживает. Точнее, которую газета поддерживают.

– У этой партии много денег?

– Много, – грубо сказал Роальд. – Но это уже политика. Нас политика не интересует. Поэтому забирай газеты и отваливай.

– Кстати, – вдруг поднял он внимательные глаза. – Тебе

знаком такой вот женский квакающий голос?

– Обычно квакающие голоса бывают у лягушек.

– Значит, тебе звонила лягушка.

– Ладно. Учту. – Шурик знал, Роальд говорит о Симе. – Я начну с фирмы «Делон». Прямо с обеда начну. Интересно, у них своя столовая или обед они заказывают в ресторане?

– Вот и выясни.

Шурик встал.

– Знаешь, – сухо сказал Роальд, уставясь на него серыми не улыбочивыми глазами. – Может, это и не мое дело, но твоя Рипсимия...

– Сима, – терпеливо подсказал Шурик. – У нее есть имя. Ты его знаешь. Правильно оно звучит именно так – Сима. Легко запомнить.

– Сима? – холодно заинтересовался Роальд. – Я и говорю – Рипсимия. Или Максима. Я даже в словарь смотрел.

– Просто Сима, – терпеливо повторил Шурик.

– Ты что, не знаешь, как ее имя произносится полностью?

– Тебе-то что?

– Дурак всегда вызывает жалость.

– Не надо меня жалеть. Перебыюсь.

– Возможно, – Роальд как бы соглашался с Шуриком, но это вовсе не значило, что он разделяет его мнение. – До встречи с Рипсимией ты, берясь за дело, сразу говорил: Роальд, я уже в работе! А сейчас сидишь и несешь чепуху. «С обеда начну»! Я считаю, это следствием твоего общения с...

– С Симой, – предупредил Роальда Шурик.

– Ну да. Хотя ты даже ее полного имени не знаешь, – ухмыльнулся Роальд. – И зрение тебе изменяет. Оно у тебя стало выборочным. Любой человек на твоём месте увидел бы – у твоей Симы остались только ноги, потому она их и не прячет. Ей, наверное, за тридцать, а?

– Заткнись!

Роальд ухмыльнулся еще наглее:

– А если однажды к тебе заявится ее муж? Это что ж, скажет он, не завелись ли у Рипсимии коммерческие тайны? А если однажды этот муж явится в наше бюро и попросит меня пройти по следам ее исчезающей время от времени супруги? Если он захочет узнать, не спит ли его Максима с каким-нибудь олухом? Учти, я на такое дело поставлю Ежова. Он парень въедливый.

– Да уж знаю, – хмуро согласился Шурик.

И, выходя, хлопнул дверью.

Рипсимия... Максима... А, может быть, Серафима!.. Ему-то какое дело?... Тоже мне, «одни ноги остались»!..

Глава II

«А КОЖА У МЕНЯ ШЕЛКОВИСТАЯ- ШЕЛКОВИСТАЯ...»

3 июля 1994 года

1

Роальд, конечно, ошибался.

Кроме ног у Симы осталось еще кое что.

Когда Шурик вошел, Сима лежала на диване. На диван она набросила чистую простыню. Проблема для Шурика. Сима никогда не валялась на одной и той же простыне дважды.

Даная...

Было жарко, Сима подложила под голову подушку. Коричневые соски вызывающе темнели на мраморном, почти незагорелом теле. Сима не любила загорать, по крайней мере, так она говорила, и загорелой Шурик ее не видел. Мягкий овал плеча, бедро, губы, чуть припухшие, как от обиды. Услышав Шурика, Сима испуганно подняла руку, и изгибу ее руки тоже позавидовала бы не одна женщина.

А кожа у меня шелковистая-шелковистая...

Так она сама говорила.

Шурик испытывал нелепую гордость от того, что Сима так вызывающе привлекательна, что у нее есть ключ от его квартиры, что она сама приходит к нему... Сама! Сама! – повторил он про себя, как бы утверждаясь в столь приятной мысли. Ее сюда не на аркане тащат...

Но она держала его на аркане.

Она приходит, когда ей самой этого хочется, – честно сказал он себе, сдирая через голову пропотевшую рубаху. И не так часто, как бы ему хотелось. И никогда не говорит, когда появится в следующий раз. И никогда не угадаешь, в каком настроении она придет.

Однажды она рассказала ему про шефа.

Несколько лет назад она работала в каком-то засекреченном заведении. Когда понадобилось писать отчет, а секретарша заболела, за машинку посадили Симу. Последствия не замедлили. Собравшись в Болгарию, Сима с удивлением узнала, что она, как и большинство сотрудников, лишена права на выезд. «Я же все равно ничего в этих делах не понимаю». – сказала она шефу. – «Да это не важно», – ответил шеф. – «Может, мне теперь и в постель только с нашими сотрудниками ложиться?» – спросила Сима. – «Это только на пять лет, – ответил шеф, облизнувшись. – А мысль интересная». – «Насчет постели? – удивилась Сима. – Я этого не нахожу». – «Я пользуюсь большим доверием...» – загадоч-

но намекнул шеф, распуская перья. – «Не моим, – ответила Сима. – К тому же, чтобы лечь с кем-то в постель, надо чувствовать к нему нечто большее, чем доверие».

Нечто большее...

Стаскивая рубашку, Шурик еще не знал – пустит ли его Сима к себе? Умереть с нею, умереть над нею, умереть под нею, как он вычитал в какой-то газете (не в «Шанс-2», конечно, и даже не в «Вместе») – это всегда зависело только от нее. Как ни странно, он и это в ней принял сразу и никогда не пытался настоять на своем.

Может, потому она и приходит...

Наблюдая за Шуриком, не пряча себя, Сима медлительно улыбнулась.

– Ты думаешь обо мне, – негромко, чуть хрипловато сказала она, будто прислушиваясь к собственным словам, будто припоминая что-то. – Мне кажется, ты думаешь обо мне плохо.

Он покраснел:

– Что за денек? Одни укоры? Ты бы могла быть добрее.

– Добрее? – она медлительно повернулась к нему.

Он не любил ее такой.

В такой в ней просыпалось странное бесстыдство. В ней сразу смешивалось все – и плохое, и хорошее. Никто уже не различал граней, и меньше всего она сама. Неясное, ничем конкретно не выражаемое, но легко чувствующеся, тревожащее бесстыдство. Но он принимал ее и такой.

– Тебя долго не было, – сказал он. – Я уезжал всего на три дня, но ты и до того неделю не заходила.

Она не ответила.

Ее взгляд вдруг потух.

Так с нею тоже бывало. Могла исчезнуть на неделю, на месяц. За полгода, которые он ее знал, так случилось не раз. И он вынужден был ждать ее. Она не говорила, где живет. Он не знал номера ее телефона. Кстати говоря, Роальд был прав – он даже не знал, как правильно пишется ее полное имя... Сима и Сима... Серафима, наверное... Или впрямь какая-нибудь Рипсимия?...

Взгляд ее потух, став темным, тяжелым. Она сумрачно и притягивающе разглядывала его, рукою медленно водя по длинной, мраморно и упруго отливающей ноге. Он знал, что сейчас будет. Он успел изучить этот ее взгляд, он уже понимал значение этого ее темного взгляда. Она измучает его и не даст ему ничего. Она все заберет себе. Он будет задыхаться, целуя ее всю – от коричневых сосков до щиколоток, он будет, задыхаясь, шептать ей о ее потрясающей географии, им еще по-настоящему не изученной, он будет вышептывать географию ее тела, и все равно все достанется только ей.

Ему – ничего.

Иногда он думал, что так и должно быть.

– Кофе... Может быть, кофе? – она и впрямь к чему-то прислушивалась. – Ты сварешь кофе?...

Он кивнул.

Накинув халат на голое тело, он долго возился на кухне, злясь, что кофе не был помолот, а молоко в холодильнике стояло уже два дня.

Но и злясь, он не забывал о тонкой руке Симы, о ее ноге...
К черту!

Он спросил, не выходя из кухни:

– Ты когда-нибудь пригласишь меня в гости?

– В гости? Зачем?

Он вернулся в комнату с чашками и с кофейником.

Поза Симы не изменилась, просто она раскинулась еще свободнее.

Он подал ей чашку. Она взяла ее одной рукой. Он старался не видеть того, чем занимается другая. Он горел от ее запрокинутого лица, от ее внезапно севшего голоса.

– Я хочу... – сказал он, пытаясь объяснить свое и впрямь несколько необычное желание. – Я хочу увидеть, в каком доме ты живешь, какой посудой пользуешься... Может, у тебя живет злобный пес, из тех, что приравняются к холодному оружию... Я хочу знать, какие занавески висят у тебя на окнах, на каких простынях ты спишь, в каком халате выходишь из ванной, какие книги стоят на полках...

– У меня мало книг...

– А чего у тебя много?

– Наверное, ковров.

– Как выглядит твоя кухня?

– Не знаю... Наверное, скучно...

– Черт возьми... – сказал он, разозлившись, но, поставив чашку, она узкой ладонью прикрыла ему рот. От ладони сладко пахнуло потом и еще каким-то, неопределенным, неопределимым, но странно волнующим ароматом.

– Ты изменял жене? – медленно спросила она. Взгляд ее оставался безучастным. Он не смог бы поручиться, что она слышит его.

Он простонал:

– Зачем тебе?

– Сколько лет ты прожил с женой?

– Почти шесть.

– Она тебя бросила?

– Она от меня ушла.

– Значит, бросила. Ты изменял ей?

Ее рука не успокаивалась.

Шурик страдал.

– Я изменяла всегда... – ее голые ноги вытянулись по дивану, грудь и живот напряглись. – Даже в периоды ренессанса... И такое было, мы вдруг становились близкими... Тебе не представить, как я плакала, когда мне становилось хорошо... Я очень долго шла к тому, что многие знают от рождения: чем больше равенства, тем меньше свободы... Я инстинктивно рушила равенство... Я изменила ему почти сразу после свадьбы... В женской консультации... Молодой врач заставил меня раздеться... Наверное, он сразу вычислил меня... По глазам... Я краснела и умирала со стыда, но

мне нравилось, как он гладил меня и убеждал не думать... Не думай головой, повторял он, как будто в такие минуты можно хоть чем-то думать... Он первый научил меня этому – никогда не думать в постели...

– Зачем ты это рассказываешь?

– Не знаю, – она закусила губу. – Наверное, я испорченная... Когда это случилось впервые, я испугалась, а потом сказала себе – теперь так будет часто...

– А муж?

– Он занят делами... У него много дел... – У нее снова сел голос. Она задыхалась. – Ему никого, кроме меня не нужно... Он одно умеет: повторять – Сима, Симуля, Симочка... Он только одно знает повторять – Симора, Симуля, Симчик... Если бы ты знал, как это скушно... Симулька, Симорка, Симура... Я кричу в его руках... От наслаждения... Уж он-то знает меня!.. А на самом деле я кричу от тоски...

Сима недобро усмехнулась, но губы ее вспухли, она задыхалась. В этом было что-то нереальное, завораживающее Шурика.

– Со мной он умеет все... Зачем ему еще кто-то?... Во мне для него нет тайн... Ему никого больше не надо... Единственное, чего в нем нет – неожиданности...

И повторила, как эхо:

– Неожиданности...

– А во мне?

– В тебе?... – почти прошептала Сима, еще сильнее за-

кусив губу, вдруг рассматривая его как совсем незнакомого человека. – Не все ли равно?...

Она, наконец, притянула его к себе.

Ее руки, наконец, вспомнили и о нем.

И погибая в буре, выдыхая изо рта пряди ее волос, чувствуя языком и губами каждый миллиметр ее действительно шелковистой кожи, он все равно не мог избавиться от жуткого чувства – ей, Симе, именно сейчас, именно сейчас, именно в эти секунды, абсолютно все равно, кто помогает ей умирать...

Правда, помогал ей он.

Но это не утешало.

2

Фирма «Делон» занимала два этажа девятиэтажки, недавно поднявшейся за театром. Это о многом говорило. Аренда в центре города не каждому по зубам. По логике вещей сотрудница столь явно преуспевающей фирмы не должна была бедствовать.

Приткнув «москвичонка», на сутки отданного ему Роальдом, под аркой хозяйственного магазина, Шурик поначалу устроился в магазине, окна которого выходили прямо на окна фирмы, закрытые частыми жалюзи, но наблюдать мешали прохожие.

Вздыхнув, он перешел на солнцепек, к коммерческим ларькам, ларькам, занявшим чуть ли не всю правую часть улицы.

Здесь Шурика ожидала удача.

Кто-то из предприимчивых коммерсантов выставил в тень тополей несколько пластмассовых столиков. Можно было спокойно присесть и, не торопясь, поглядывая в газетку, выпить банку пива и съесть сосиску, сунутую в батон, облитую кетчупом, а потому обозванную хот-догом. Время от времени на территорию импровизированного кафе заглядывали и настоящие доги. В смысле, собаки. Их никто не гнал, но они сами знали свое место.

Внимательно присматривая за входом в фирму «Делон»,

Шурик развернул «Шанс-2».

Мир оставался миром.

На площади у аэропорта Толмачево патрульные милиционеры отобрали у заезжего якута неприлично большое количество марихуаны. Ну, травка понятно, но почему у якута? Откуда он прилетел? Неужели якуты научились выращивать травку?...

А днем раньше у некоей технички вполне скромного учреждения было отобрано при обыске пятнадцать граммов ханки и почти десять граммов ацелированного опия. Кажется, вспомнил Шурик, эта штука зовется химкой. Раньше так называли химическую завивку, да и сейчас, наверное, называют, но вот все же – химка химке рознь...

На остановке Звездная обнаружен обезображенный труп высокого блондина. О красном ботинке в газете ничего не говорилось, зато подробно описывалась перестрелка в подъезде дома по улице Ударной. Два трупа и сто семьдесят миллионов наличными... Недурной улов, если, конечно, отвлечься от трупов...

В незапертой квартире на улице Кропоткина найден еще один блондин с татуировкой «Коля» на правом запястье, а симметрично на левом – «Нина»...

Обыденная серая жизнь, со зловещей необратимостью заполняемая трупами высоких блондинов, разложившихся шатенов, инструментами для их истребления, и прочим, и прочим.

В пашинском озере под названием «Арсенал», прочел Шурик, найден брезентовый мешок с руками и ногами – долгожданный сюрприз для милиции, десятью днями раньше наткнувшейся недалеко от этих же мест на обезглавленный, лишенный рук и ног труп...

Пропустим.

В одном из институтов академгородка у некоего кандидата физ. – мат. наук отобран старенький АКМ – родом из пятидесятых, но в прекрасном рабочем состоянии. Этот же хозяйственный кандидат держал в рабочем столе наган Токарева, стреляющий патронами от пистолета Макарова – работа местного мастера, оставшегося, к сожалению, неизвестным, и банку из-под импортного пива, плотно, под самый край, набитую тротилом...

У них, у ученых, подумал Шурик, наверное, свои представления о жизни... Тротил, наганы, патроны... У них и параллельные линии сходятся в пространстве... А он, Шурик, к счастью, человек трезвый. В самом деле, какого черта линиям сходить, если они параллельны?...

По какой-то странной ассоциации он вспомнил о длинных ногах Симы... Она, наверное, уснула... Отоспится, уйдет... Как всегда... Не дождавшись его... Не оставив записки... Не намекнув, когда появится снова...

Я изменяла всегда...

Дура! – подумал он с нежностью. Язык бы тебе отрезать! Ладно, не будем.

Он пробежался по плотным колонкам текста и неожиданно выловил знакомое имя.

Тетя Зина, оказывается, не преувеличивала – соседский Мишка попал в историю. Во всех смыслах.

"Город встревожен слухами о похитителях детей. Утверждают, что дети похищаются для неких богатых людей, страдающих определенными заболеваниями и срочно нуждающихся в пересадке некоторых органов. Утверждают также, что детей воруют и для продажи за границу – чаще всего мальчиков в возрасте от трех до четырех лет.

В феврале этого года в Кировском районе пропал Сережа К., на которого уже глубокой ночью совершенно случайно натолкнулся дежурный милиционер. Несмотря на сильный мороз, мальчик шел без шапки, правда, на голову ему кто-то повязал женский платок. Возможно, появление милиционера спугнуло похитителя или похитительницу – бросив ребенка, преступник убежал. Скорее всего, преступница, ибо мальчик говорил о какой-то женщине, которая его не обижала, более того, пыталась дыханием отогреть ему руки, когда он замерз и стал плакать. Картина похищения остается неясной. Может быть, мальчик просто заблудился, хотя трудно представить, чтобы те восемнадцать часов, которые мальчик отсутствовал, он провел один на зимней холодной улице. Столь же нелепо предполагать, что случайная женщина отогрела ему руки, повязала платок

вместо утерянной шапки и, не выспросив ничего, не отведя ни в детский дом, ни в милицию, снова оставила на улице.

В апреле этого года исчезал на сутки еще один Сережа – трехлетний Сережа Ш. из Толмачево. Буквально на минуту мать оставила его на крыльце продуктового магазина и мальчик исчез. Его поисками занималась милиция и множество добровольцев. К вечеру следующего дня счастливая мать Сережи (мальчик растет без отца) вновь обрела сына. Его нашли в центре города – в Первомайском сквере. В руках у мальчика была булка. Мальчик не был испуган и даже рассказал, что был в гостях у какой-то тети, показавшей ему много игрушек. К сожалению, никаких деталей, могущих вывести милицию на след неизвестной преступницы или преступников, мальчик сообщить не смог.

Сегодня найден потерявшийся сутки назад трехлетний мальчик Миша У. Скорее всего, и на этот раз похитителям не повезло – их спугнули. К сожалению, прокомментировать данный случай сотрудники милиции отказались. А отец Миши У. сказал так: «Не знаю, что за баба там ходила, я бы ей ноги повыдергивал. А если эти бандиты поймаются, их надо судить своим судом, потому что иначе они откупятся. У них, ясное дело, деньги есть. Пей, гуляй. А вот детей, – добавил он, – нет. Потому и шалят, паскуды».

На вопрос, что чувствовал бы он, увези похитители его ребенка в какую-нибудь чужую страну, отец Миши У. с присутствующей ему непосредственностью ответил: «Я, блин, на тан-

ке бы к ним поехал! Я, блин, сержант запаса. Я бы в этой стране такого шороху навел, что ни один там, блин, ООН не справился бы!»

Возможно, следственные органы в ближайшее время откроют завесу над загадочными исчезновениями, судя по всему, лишь случайно не закончившимися трагично."

3

Шурик внимательно следил за входом в офис.

Странные похитители, подумал он. Трижды упустить добычу... Что там трижды могло не сработать?...

Трижды!

Что в подобных случаях говорил Джеймс Бонд?

Если что-то случилось один раз – ищи случайность. Если что-то случилось два раза – ищи совпадение. Но если что-то случилось три раза подряд – тут уж ищи врага!

Чего-то газетчики не договаривают или не знают, решил Шурик, а милиция, понятно, помалкивает.

Интересно, отметила ли странные похищения газета «Вместе»?

Он перелистал полосы «Вместе», сладко пахнущие свежей типографской краской, и удивился однообразию информации.

Посвящался номер в основном предстоящим выборам. Сильно хвалили А.Я. Неелова – независимого кандидата. Оказывается, еще молодым человеком он ясно и судьбоносно (именно так было сказано) осознал, что России не хватает только одного – порядка. Ум есть, честь имеется, с совестью всегда был как бы даже некоторый перебор, а вот с порядком проблемы.

В речи, планируемой как будущее большое выступление

на митинге, независимый кандидат А.Я. Неелов просто и ясно утверждал три пункта.

Первый.

Коль уж он, независимый кандидат А.Я. Неелов, знает, что такое порядок, да к тому же прекрасно знает, как и каким способом его наводить, именно ему, независимому кандидату А.Я. Неелову, личности сильной и последовательной, и следует заняться этим вопросом. Для начала в родном городе. Потом в области. А если попросит народ, то, понятно, во всей России.

Второй пункт.

Имея твердые убеждения и железную волю, никогда в жизни ни разу никому не солгав, он, независимый кандидат А.Я. Неелов, клятвенно обещает народу никогда не отставать на достигнутом. Поскольку порядок внизу надо наводить одновременно с наведением порядка наверху, он, независимый кандидат А.Я. Неелов неустанно будет бороться с любыми извращениями на местах, поскольку многочисленные верящие в него избиратели не раз уже высказывались в том смысле, что если уж ему, независимому кандидату А.Я. Неелову, пришлось начинать всю эту кампанию, то именно он и должен доводить ее до победного конца. Люди ждут моих действий, отмечал независимый кандидат А.Я. Неелов, дело только за широчайшей поддержкой масс.

И третий пункт.

В любом деле, тем более в политике, есть конкуренты.

Как правило, это слабые, неумные, но хитрые и лукавые люди, весьма мало ориентирующийся в текущем моменте, мелкие, жадные, гребущие только под себя, а потому трусливые и скрытные. Вместо того, чтобы страдать вместе с народом, отыскивая при этом реальные пути к стабилизации, к наведению всеобщего порядка, они заняты только мелочными склоками, интригами, болтовней и всякими паскудными делишками, не имеющими никакого отношения к избирателям.

Как типичный представитель мелкого и злобного племени конкурентов указывался главный редактор газеты «Шанс-2» некто господин С.И. Иваньков.

На чем всегда выезжала газета господина С.И. Иванькова? – четко спрашивала газета «Вместе». И так же четко отвечала: на рекламе и платных объявлениях. На рекламе заранее обреченных банков, плохой продукции, неверной подачи неверных сведений. Вся эта реклама, все эти лживые обещания никогда никем не контролировались, не выполнялись и никогда не будут контролироваться и выполняться – опять же из-за отсутствия порядка. Всем известно, утверждала газета «Вместе», что несколько десятков давно разорившихся компаний и банков весьма не мало платили господину С.И. Иванькову за наглую рекламу, за откровенное вранье, размещаемое господином С.И. Иваньковым на страницах его мерзкой газетки. Собственно, даже не сами банки, даже не сами черные дельцы виноваты в горьких слезах мил-

лионов обманутых и обесчещенных граждан. Это, собственно, не они, а лично господин С.И. Иваньков, купленный и перекупленный темными дельцами, толкал заблудших овец к пропасти. Если вы увидите на улицах города нищего ребенка, утверждала газета «Вместе», если вы увидите ночующую на вокзале бездомную семью, если вы услышите о спившемся от горя безработном участковом враче или об учителе чистописания, уже шесть месяцев не получающем нищенскую зарплату, знайте – это дело грязных рук лично господина С.И. Иванькова, распродавшего по частям уже не малую часть России, а теперь пытающегося проникнуть в коридоры Большой Власти, чтобы окончательно разложить ее изнутри.

Независимый кандидат А.Я. Неелов обещал народу разобраться с человеком, обманувшим миллионы людей, сделавшим себе состояние на слезах людей, живущих на сто тысяч в месяц или того хуже, на нищенскую пенсию.

В самом деле, спрашивал независимый кандидат А.Я. Неелов, на какие такие деньги господин С.И.Иваньков закатывает чудовищные оргии в самых дорогих ресторанах, подкатывая туда на белом мерседесе в окружении тупых низколобых существ, умеющих лишь пить, орать, бить посуду, выбрасывать в окно официантов и на корню покупать продажную и разложившуюся милицию? Разве не господин С.И. Иваньков пять раз подряд вызывался в милицию и пять раз подряд отпущен только потому, что являлся в милицию пьяным? Не пора ли разобраться, почему именно к господину

С.И. Иванькову милиция проявляет такое терпение? И какими, собственно, деньгами оплачивает господин С.И. Иваньков разбитую мебель в ресторанах и ссадины официантов? Вот лично он, независимый кандидат А.Я. Неелов, живет на свои честные триста тысяч в месяц. Это мало, чтобы кормить семью, но он ее кормит, потому что хочет жить и всегда жил так, как жили и живут миллионы бывших советских людей, превращенных сейчас в замученное тупое стадо.

Понятно, писала газета «Вместе», господин С.И. Иваньков будет оспаривать сказанное, но факты есть факты и в ближайшее время он, независимый кандидат А.Я. Неелов, надеется представить своим избирателям голые факты. Он, независимый кандидат А.Я. Неелов, никогда не бросал слов на ветер. Зло должно быть наказано. Особенно зло, рвущееся к власти. Ведь если зло вовремя не остановить, в правительство может придти еще один алкаш!

Заодно господин А.Я. Неелов обещал навести порядок в городе. Успокоить бизнесменов, деловых людей, матерей, школьников, простых производителей материальных ценностей. При нем, при Неелове, рэкетеры не посмеют заниматься своим паскудным ремеслом, карманники сменят свою паскудную профессию, а что касается похитители детей, все они, в самом лучшем случае, получают пожизненное.

Сильно, решил Шурик. Этот Неелов не дурак. И энергии у него на трех Иваньковых. Он точно готовит что-то. Несчастному демократу господину С.И. Иванькову не сдобровать.

Не пройдет алкаш, рогоносец и прочее!..

Только что это за оргии, о которых писала газета «Вместе»?...

Шурик спрятал газеты.

В дверях офиса появилась высокая женщина в ослепительно белой кофте, в столь же ослепительно белой короткой юбке, с сумочкой в руках, напоминающей корзиночку на ремешке. Лицо ее лучилось улыбками – тысячи улыбок в одно мгновение. Было видно, ей нравится жить. Было видно, ей по душе залитая солнцем улица, ревущая волна автомобилей, мигающие светофоры, толпы людей на перекрестках. Это был ее мир, она в нем жила. Шурику и на фотографию смотреть не пришлось, он сразу узнал Светлану Павловну Иванькову.

И невольно сравнил ее с Симой.

Черт знает, никого ни с кем не надо, наверное, сравнивать. Да их и нельзя было сравнивать.

Светлана Павловна Иванькова относилась к тем женщинам, один вид которых вгонял Шурика в дрожь – своей недоступностью. Он знал, что никогда в жизни не сможет познакомиться с женщиной, похожей на Иванькову. Реалист, теперь-то он совсем уж точно знал – что бы там ни говорили ученые, двум параллельным линиям в пространстве никогда не сойтись. На то они и параллельные. И еще теперь он знал, увидев С.П. Иванькову, что такая женщина просто не могла не наставить рогов господину С.И. Иванькову, демократу и

пьянице, обманывающему русский народ и закатывающему дикие оргии в дорогих ресторанах, подкатывая к ним на белом мерседесе в обществе низколобых тупых тварей, умеющих лишь пить да гулять, да гонять по залу официантов...

Впрочем, не без зависти подумал он, даже и это было для господина С.И. Иванькова честью. Он мог носить свои рога как корону. В конце концов, его рога означали совершенно очевидную вещь – *он был допущен!*

Небрежно оглядевшись, С.П. Иванькова прошла к стоявшей прямо у подъезда «тойёте» и неторопливо выкатила на проспект.

Шурик поспешно бросился к своему «москвичонку».

Глава III

«ЭТУ НОЧЬ ТЫ ПРОВЕДЕШЬ ИНАЧЕ...»

3 июля 1994 года

1

На этот раз Шурик поставил «москвич» Роальда совсем недалеко от «тойёты» Иваньковой.

Светлана Павловна, не оглядываясь, захлопнула дверцу и легко взбежала по ступенькам кирпичного крыльца, подпирающего глухие деревянные двери, над которыми не было никакой вывески. Было видно, что крыльцо пристроили совсем недавно, да и дверь в стене пробита не год назад, кому-то сильно хотелось иметь отдельный вход в квартиру.

Шурик не торопясь выкурил сигарету, опустив в салоне стекло. Он видел, как Иванькова, на секунду оглянувшись, нажала на кнопку звонка – дверь перед нею раскрылась, впустила Иванькову и сразу за ней захлопнулась.

Шурик не торопился.

То, что Иванькова сидела за рулем, и сидела одна, без попутчиков, еще ни о чем не говорило. Машина принадлежит

фирме. Вполне возможно, С.П.Иванькова всегда водит машину сама. Вполне возможно, она просто любит водить, а потому не нуждается в водителе. Вполне возможно, что ей просто нравится одиночество. А может, подумал Шурик, она ненавидит одиночество и бросилась сюда только потому, что здесь ее ждет...

Не будем гадать, сказал себе Шурик. Человек много в чем нуждается, человеку много чего хочется...

Выбросив сигарету и заперев машину, он решительно поднялся на крыльцо.

Дверь была заперта.

Он нажал на кнопку звонка. Странно было видеть одинокую кнопку электрического звонка на голой каменной стене. Ни вывески, ни указателя. Попробуй пойми, кому звонишь.

Дверь открыла девица лет семнадцати, простоволосая, рослая, в светло-коричневом хитром халате – явно рабочий, но и смотрится, наверное, сама тот халат и сочинила. Подозрительно поведя веснушчатым носом, прищурив синие глаза, девица недружелюбно спросила:

– Чего?

– Светлана Павловна уже здесь?

Глаза девицы несколько подобрели:

– А чё так рано сегодня? Перед митингом, что ли?

– Ага, – сказал Шурик спокойно осматриваясь.

Лестничная площадка выглядела обжитой. Фанерный стенд на стене, украшенный крупной аббревиатурой ППГВ,

две двери. Входную, пропустившую Шурика, было видно, действительно пробили недавно. Специально, чтобы отделить вход от общего подъезда. Теперь сюда можно было входить, не рискуя натолкнуться на незнакомого человека, зная, что вся площадка принадлежит...

Кому принадлежит?... Таинственному ППГВ?... Что это такое – ППГВ?...

Чувствуя на себе суровый взгляд вновь посуровевшей юной синеглазой технички, Шурик остановился перед стендом. Аккуратная работа. Когда-то такие стенды можно было увидеть в красном уголке любого предприятия, теперь их забыли. И вот он, стенд, перед ним!

Выигрывая время, Шурик уставился в прищипленные к стенду листки и нисколько не был разочарован.

Прежде всего газетный лист.

Крупный заголовок гласил: «Никакой пощады!»

"Мы, активные участники митинга, собравшиеся обсудить насущные проблемы нашей трудной и непредсказуемой жизни, выражаем полное одобрение независимому кандидату А.Я.Неелову и полностью поддерживаем намеченные им начинания.

Простые люди требуют выявления и наказания расхитителей созданной народным трудом собственности, привлечения к строгой ответственности перед законом всех взяточников, уличенных в коррупции госчиновников, владельцев

баснословных состояний, нажитых за счет обмана и ограбления собственного народа. Можете не сомневаться, независимый кандидат товарищ А.Я.Неелов, вы получите наше всеобщее одобрение, нашу стопроцентную поддержку!

Никакой пощады, никакой снисходительности к погрязшим в преступных махинациях мафиозным дельцам и оказавшимся в сговоре с ними должностным лицам!"

Читать дальше Шурик не стал. Он уже начитался газеты «Вместе». Но длинный бумажный рулон, украшавший тот же стенд и развернутый чуть не на метр, просмотрел внимательно.

Личные подписи участников недавнего митинга. Как ни странно, подавляющее большинство подписей принадлежало женщинам.

Впрочем, странным было не это.

Странными Шурику показались жирные карандашные птички-пометки, четко проставленные против некоторых фамилий.

Коршакова С.И.

Гунеева Л.– бл.

Сухарева Н.Т.

Щукина Л.П. – бл.

Суханова Г.С. – бл.

Шадрина У.Ф.

Тихменева Л.С.

Уварова Б.Л.

Ложкина Е.Ф.

Ладыгина Н. – бл.

Хлопышева С.Т. – бл.

Злопушина С.Н.

И так далее.

Похоже на списки ударниц борделя, ошеломленно подумал Шурик. Первопроходниц и пионерок. Павших принцесс и ночных бабочек. А может, хулиганство... Может, кто-то посторонний, вот как он, Шурик, без официального дозволения проник в помещение и пометил специальными знаками не понравившиеся ему фамилии...

– Послушайте, – окликнул он возившуюся с тряпкой синеглазую техничку, время от времени подозрительно поглядывавшую на него. – Это что ж такое получается? Сплошные *бл!* *Бл.* на *бл!* И кто, посмотрите!.. И Ладыгина, и Ложкина, и даже Суханова! Даже и непонятно, почему не отмечены Злопушина или Тихменева?...

– Мало старались, дуры, – неласково хмыкнула юная техничка, протирая тряпкой лестничные перила.

– В каком смысле?

– А в таком! – девица опять подозрительно оглядела Шурика. Он, наверное, не первый останавливался у стенда, она к этому привыкла, но, похоже, и на душе у нее накипело. – Я, к примеру, Коршакова, так я просто на митинге не была. Ну, не успела! Ну, не было меня в городе! Мало ли, что я

записывалась? Не было меня в городе, и все! Будь в городе, конечно, пошла бы, что бы мне не погонять инородцев, так ведь не было меня! Не было!..

Да уж, подумал Шурик, ты бы точно пошла. Приставка *бл.* тебя бы украсила...

Редкостная откровенность, оценил он материалы стенда. Не знаю, что такое ППГВ, но за дисциплиною тут следят...

– Всегда так, – занудно вела, протирая перила, синеглазая техничка. – То Александр Яковлевич, то Светлана Павловна! То тебе благодарность, то тебе втык!..

– А-а-а... – понял Шурик. – *Бл.* – это благодарность!

– А вы чего подумали? – строго спросила техничка.

– Да так, ничего... Хулиганство, подумал... А, может, не хулиганство... Чем сейчас кого удивишь?...

– То-то гляжу, незнакомые... – еще подозрительней при-
смотрелась к нему девица. – Вы точно к Светлане Павлов-
не?... Чё-то уж очень рано. Они в это время совсем од-
ни... Вы случаем не из газеты?... Смотрите! У нас тут стро-
го. Только крикну, вас ногами вперед выбросят, пикнуть не
успеете!

– Да ну! Газет мне только не хватало! – отмахнулся Шу-
рик, увидев на той же доске не такой уж коротенький список
жертвователей.

*«Руководство ППГВ и редакция газеты „Вместе“ выра-
жают сердечную благодарность организациям и частным*

лицам, оказавшим бескорыстную помощь...»

Какое отношение к газете «Вместе» может иметь жена главного редактора газеты «Шанс-2»? – удивился Шурик. – ППГВ – черт с ним! Но газета «Вместе»... Газета, в которой господина С.И.Иванькова травят беспощадно, без снисхождения... Странно, странно...

И объяснил техничке:

– Я ведь не просто так. Я занятость уважаю. Специально зашел. Слышал – ППГВ, почему не помочь? Пожертвования хороши к месту, правда? Вот я и приглядываюсь. Это ведь тоже ума требует.

И сунул техничке пятитысячную бумажку.

– Ну вот... – скривилась техничка, но от бумажки не отказалась. – Вам тогда в главный корпус. Пожертвования – это не здесь.

– Да я и сам вижу, – Шурик, наконец, изучил площадку. – Так и подумал, зайду, поговорю с умными людьми, посоветуюсь. Денежек у меня немного, терять не хочется...

– С этими не потеряешь, – несколько двусмысленно, но уже доверительно откликнулась техничка. – Эти, погодите, наведут порядок.

И сплюнула, тут же подтерев тряпкой свой плевок:

– Давно пора!

– Вот я и говорю. Денежки в ППГВ вложить это вложить те денежки в будущее.

– Во-во! – кивнула техничка. – И Сашка так говорит.

– Какой Сашка?

– Ну как? – удивилась синеглазая. – Известно, какой! Неелов, конечно! Он, Неелов, у нас один. Он порядок наведет, дай время.

– А что? Он тоже сейчас здесь? – обрадовался Шурик.

– А где ж им еще встречаться?

– Со Светланой Павловной? – быстро спросил Шурик.

– И со Светланой Павловной, – ответила техничка. – И с Виталием Ивановичем. И с Юрием Прокофьевичем. Где ж им еще встречаться?

– Гуляют? – хитро подмигнул Шурик, суя техничке еще одну пятерку.

– Вы чего? – неожиданно обиделась техничка, от пожертвований, впрочем, не отказываясь. – Здесь не гуляют, здесь о будущем думают, – она явно повторяла чьи-то слова. – Вы сами-то кто? Сперва благодарность с блядьми путаете, потом о гулянке! Да гуляй они, я бы на одних бутылках жила как на пенсии. Вон Хохлова в «Корвете», знаете, сколько на одних бутылках имеет!? А наши... Им бы поговорить, помитинговать... Если не на улице, так здесь... Запираются и говорят, говорят... Токуют как тетерева, дым столбом... Ну, минеральной воды попьют, кофе...

Синеглазая сурово нахмурила брови:

– Крысы!

– Как крысы? – удивился Шурик. – И Светлана Павловна?

– Светлана Павловна? Не-е-ет, – протянула синеглазая. – Светлана Павловна особенная крыса.

– Как особенная?

– Ну как, – объяснила техничка. – Крысы они ведь тоже разные. А Светлана Павловна вообще особенная... До того иногда наговорятся, что сил никаких нет. Лица багровые, глаза сверкают!

И грозно взмахнула тряпкой:

– Погодите! Они наведут порядок!

Они...

– А может, все же... того?... – подмигнул Шурик. – Просто от разговора не сильно-то покраснеешься...

– Маньяк прямо! – озаботилась синеглазая техничка. – Ему о том, ему и о том, а он все на свое сворачивает! Говорю же вам, люди здесь дело делают.

– Допоздна?

– Еще как допоздна!

– И никаких бутылок? Ничего такого?

– Ну точно, маньяк! – убедилась техничка. – Они строгие!

Встанут к рулю, вам за эти мысли влетит!

Она вздохнула. Видимо, ее тоже беспокоили некоторые мысли:

– Они всех к ногтю прижмут. Начнут с убийц, закончат карманниками. Никого не пропустят, все получают свое! Зато ночью можно будет гулять! Детей на улицу выпускать свободно!

– Каких детей? – не понял Шурик.

– Ну да, не слышали! – не поверила техничка. – Весь город о том только и говорит!

– О чем?

– О детишках! О детях! Детей в городе воруют! Не что-нибудь там, а детей! Видно, все в России разворовали, только дети остались. Вот и за них взялись.

И подозрительно осмотрела Шурика:

– А вы что стоите, если вы к Светлане Павловне?

– Да раздумал я, – ухмыльнулся Шурик. – Вот страшно стало. Я ведь думал, пожертвую на доброе дело, с хорошими людьми посижу. Я ведь пьющий, – доверительно подмигнул он техничке. – А вы меня запугали. Это что же за люди, если совсем никогда ни капли? Разве можно таким власть доверить? Будут, значит, разговаривать да курить. А курить, к тому ж, на мои кровные. Да еще, небось, иностранное курят! Это выходит, начну я поддерживать все иностранное...

– Тогда вали, алкаш! – сурово приказала техничка, поднимая влажную тряпку. – Пьющих здесь нет. Сама не люблю пьющих.

– Вот погоди, – погрозила она вслед, – к власти придем, всех алкашей в Магадан вышлем.

– Своих там мало?

– Не знаю, как со своими, а наших всех в Магадан!

Ухмыляясь, Шурик вышел на улицу.

Он не торопился.

Он был уверен, Иванькова проведет в таинственной квартире все обеденное время. Можно подумать. Таинственная аббревиатура ППГВ... Какие-то митинги... Благодарности и пожертвования... Наконец, А.Я.Неелов («Сашка порядок наведет, дай время...»), газета «Вместе»... Да еще и бандиты, ворующие и продающие за границу детей... Действительно пора наводить порядок, в этом синеглазая техничка права... Но что, черт возьми, делает в царстве Неелова жена его заклятого врага?...

Одно ясно – здесь не бордель. Где не пьют, там не спят обычно.

Конечно, в хорошем офисе всегда найдется уютный уголок, где два горячих сердца могут на час, на полчаса уединиться, отдохнуть от надоевших дел, от ревущего, кипящего вокруг серого, как цемент, будничного глухого мира.

Все равно, вряд ли.

Штаб-квартира.

Это точней.

Штаб-квартира таинственной ППГВ... Некой партии... Неофициальное место встреч сторонников независимого кандидата А.Я. Неелова...

Но госпожа С.П. Иванькова!.. Что делает среди приверженников независимого кандидата А.Я. Неелова госпожа С.П. Иванькова?...

А разве жена обязательно должна разделять идеи мужа? Почему, собственно, она обязана их разделять? Может, Иваньковой пришлось по душе именно идеи Неелова? Отсюда и скрытность, отсюда и отчуждение. Не обязательно за всем искать что-то такое... по трафарету...

А использованный презерватив в почтовом ящике? А тоскливые ночные звонки? А сомнения Иванькова?...

Ладно уж... Иваньков!.. У Иванькова у самого рыло в пуху. Об Иванькове пишут как об алкаше. Если у Неелова не пьют, даже это могло привлечь Иванькову...

Из будки телефона-автомата Шурик дозвонился до Роальда.

– Оргии? – Роальд сперва ничего не понял. – Какие оргии? А-а-а, ты про Иванькова. Вранье, наверное. Они с Нееловым конкуренты, им грязи друг для друга не жалко. Вспомни своего клиента. Сколько такой может выпить? Ну, стакан... Другому, правда, и этого хватит. Но чтобы посуду бил!.. Нет, Неелову я не верю.

Шурик прикинул: да, Иваньков не походил на громилу. Даже «я в ярости» он произносил ровно. Такой вряд ли станет бить посуду в дорогом ресторане. Такой, несомненно, прежде просчитает последствия.

Шурик огляделся.

Всю противоположную сторону улицы занимали коммерческие ларьки. Строили их по идиотскому шаблону – все пестрые, со вздернутыми козырьками, с некрашеными опускающимися решетками. Один ларек недавно сожгли – в пестром ряду мрачно, как дыра в зубе, чернел провал.

Обычное дело.

Если мне повезет, сказал себе Шурик, где-то здесь, в одной из этих клеток должен сидеть Симон.

Вообще-то Симона звали Семеном, но он терпеть не мог свое имя. Дружки тоже звали его Симон. Один только Шурик пользовался королевским правом говорить в лицо Симону – Семен. Ни у кого другого такое бы не прошло, но Шурик дважды вытаскивали Симона-Семена из неприятных историй, в которые тот попадал вовсе не по глупости и не по природной доброте, так что Симону приходилось терпеть приятельскую фамильярность Шурика.

Шурик неторопливо прошелся вдоль ларьков, не забывая оглядываться на дверь, надежно прикрытую за ним синеглазой техничкой.

Семена он нашел в пятом ларьке от края.

– Пива? – без суеты спросил Семен, узнав Шурика. – У меня холодное. Прямо из холодильника. Рекомендую.

– Ага, жарко, – согласился Шурик. – Дай банку датского.

Семен покрутил коротко стриженной головой, толстые губы сложились в подобие улыбки, но узкие глаза смотрели настороженно:

– Да брось ты – датского! Тоже – король! Возьми нормального, жигулевского. В банках одни консерванты.

– На консервантах дольше живут.

– Коровы, – кивнул умный Семен и небрежно отодвинул брошенные на прилавок бумажки. – Пей. Угощаю.

– Да уж не надо. Угощай приятелей.

– Как хочешь, – Семен столь же небрежно смел бумажки ладонью в ящик. – Я не откажусь, не миллионер, мне каждый рубль пригодится. – И посмотрел на Шурика: – Ты ведь кормить меня не будешь.

– Вот уж это точно! У меня есть только один способ тебя прокормить – посадить в камеру.

– Знаю, – недружелюбно буркнул Семен. – Только у меня чисто. Я сам не люблю бандитов.

– Не платят?

– Ну, почему? Они ж тоже понимают, – уклончиво ответил Семен. – Правда, всякое бывает. Бандиты ведь тоже разные. Не понравится, скажем, жвачка или мультивитамин не пукнет при вскрытии, сразу в обиду. Вчера один такой обидчивый полчаса уламывал кореша: дай вот Вовочка ему гранату, дай и все! Даже слово пожалуйста произносил. Я, говорит, Вовочка, быстро. Я, говорит, только суну гранату вон в тот ларек, и отбегу. Что-то не понравилось ему в том ларьке. Слава богу, Вовочка умный оказался, не дал гранату.

– Вообще-то, – сказал Семен задумчиво, – без этих придурков даже как-то скучно. Когда долго не приходят, начи-

наешь нервничать, ждать неприятностей. А придут, чувствуешь – все правильно, все нормалёк. Сперва сделаешь вид будто и не признал, потом всплеснешь руками – где ж, мол, были так долго?

– И как выкручиваешься?

– Ну как... – ухмыльнулся Семен. – Слово шепнешь, фотку покажешь. Так и проносит.

– Какую фотоку?

– Да есть одна у меня. В обнимку стоим. Лопушастый такой паренек, его все бандиты боятся как личной смерти.

– Не любишь, гляжу, клиентов.

– Ты что! – Семен даже обиделся. – Как я без клиентов?

Клиент мне друг, даже если он с гранатой. Вот Сашка к власти придет, мы все дерьмо опять в нужники спустим.

– О чем это ты?

– Да так... – Семен нехорошо ухмыльнулся: – Не о клиентах. Клиент мне любой угоден. Даже иностранец. Ты не поверишь, я иностранца, как бабу, всей кожей чувствую. Ну, прямо легкость какая-то в теле при появлении иностранца. Плиз, всегда говорю, херр! Доверительно, с уважением. Они уважение, как никто, чувствуют. И бес, будто бес за язык тянет. Приценились, значит, к бутылке тысяч там в двадцать, а язык сам собой, без моей на то воли, доверительно выговаривает: для вас... только для вас, май херр... твенти, мол... твенти файф... Того и гляди, с испугу добавишь – долларс!

– Хороший ты парень, Семен.

Семен принял слова Шурика всерьез:

– Я знаю.

– Только в скушном месте работаешь.

– Почему в скушном? Две гостиницы рядом, улица проходная, опять же кинотеатр.

– Все равно как бы на отшибе. Слева стена, справа стена. Не каждый к тебе, наверное, заворачивает.

– А я на каждого не рассчитываю. Мне каждый не нужен. Мне нужен тот, который купит. И вовсе тут не глухой угол, просто суеты нет. Зато время есть разобраться с клиентами.

– В чем?

– Ну, как... Один канючит – болен, умираю, беженец, есть нечего. Другой – лекарство необходимо, вот умираю. Стою, присматриваюсь. Если рожа нормальная, если просит не на бронепоезд, не на мировую революцию, кидаю малость... Есть, правда, артисты! – ухмыльнулся Семен. – Например, Я-Не-Алкоголик. Знаешь такого?

– Нет.

– Ну и не надо. С ним смеху не оберешься. Бомж. Все собирается в Вену слетать. Я, говорит, в Вене ни разу не был, а там опера. Я правда, говорит, и в нашей опере ни разу не был, но если уж начинать, то сразу с венской. И объясняет. Он, дескать, все пропил – ковер, занавески, телевизор, холодильник, линолеум с пола, саму квартиру. В принципе, говорит, жену и детей я тоже пропил. Теперь ничего нет, можно слетать в Вену. У меня, говорит, уже пятьдесят баксов

есть, еще накоплю немного. И показывает зеленую пятерку, на которой пятерка исправлена на полтинник, а под портретом Линкольна химическим карандашом для достоверности подписано – президент Грант.

Семен восхищенно хмыкнул:

– А ты говоришь! Нормальные клиенты, грех жаловаться. Это менты да пожарники совсем оборзели. Заглядывают в палатку, рожи как у ханов: сертификат качества есть? Еще бы, говорю! – говорю. – На все есть! Самый надежный! – Ну? – не верят, – На все? – и сапогом в мусорное ведро тычут. Я говорю: это ж мусорное ведро! – а они меня вроде как и не слышат, друг с другом переговариваются. Вот, дескать, на мусорное ведро нет у него сертификата, и ценники какие-то странные, и разрешение на торговлю пожухло, выцвело! Понятно, что там к чему. Вот и сунешь что-нибудь. А если ассигнациями, так они любят, чтобы ассигнации были и не совсем новые и не совсем мятые. Правда, если таких нет, то любыми берут, терпят.

Семен вздохнул:

– То же – пожарники. Как зашли, так пошли ныть: и проводка, мол, у тебя хреновая, и счетчик не такой, и выключатели нестандартные. Потом санэпидемстанция. Вон, дескать, развел тараканов! Тараканы у тебя, мол, бразильские! Да ну, говорю, бразильские! Откуда у меня бразильские тараканы? А с товаром, отвечают, завез. Будто я сам завожу товары.

– А ты брось это дело, – спокойно посоветовал Шурик. –

Пока не поздно, брось. Ты ведь не дурак, найдешь работенку.

– В инженеры пойти?

– А и инженеры живут.

– На сто пятьдесят-то? Я на завтрак столько съедаю.

– Там, что ли? – кивнул Шурик на неприветливое здание

с пристроенным недавно кирпичным крыльцом.

– Почему там? – насторожился Семен.

– Ну как почему? Сашке-то вот сочувствуешь, – он подмигнул Семену, – а это его контора.

– А-а-а... – неуверенно протянул Семен. – То-то я гляжу, ты сам от Неелова вывалился...

– Бываешь там?

– Кто меня пустит?

– Ты же сочувствующий.

– Ну и что? Таких много. А там борцы собираются. Идеи-ные, настоящие. Когда, например, митинг, знаешь, сколько отсюда машин уходит? Туда-сюда! Сюда-туда! Сосчитать не успеешь.

– А это? – спросил Шурик, неторопливо разглядывая спускающуюся с крылечка госпожу С.П.Иванькову. – Это тоже борец? Настоящий, идейный?

– А ты у нее спроси, – посоветовал умный Семен.

– Да уж придется, – сказал, вставая, Шурик. – У тебя, дурака, не сильно наспрашиваешься.

3

В таинственную штаб-квартиру С.П. Иванькова приезжала с некоей сумочкой-корзиночкой на ремешке, а вышла с тугим тючком, скорее всего, с бумагами. Оставив тючок в офисе фирмы «Делон», Иванькова пообедала в Доме актеров.

Там же пообедал и Шурик.

Это оказалось дорогим удовольствием.

За столиком с Иваньковой сидели две молодые женщины и лысый откровенно нервничающий мужчина.

Женщины повергли Шурика в трепет. Он закомплексовал. Да чего ж это ему встречаются сегодня только такие женщины, которые его к себе и на выстрел не подпустят?...

А вот лысого подпустили, ревниво отметил он.

О чем говорили Иванькова, ее приятельницы и неизвестный, Шурик не слышал, мешала музыка, но лысый явно нервничал, в чем-то горячо убеждая Иванькову.

Может, родился таким, меланхолично подумал Шурик.

После обеда Иванькова вернулась в офис.

Закурив, Шурик с тоской представил, как проведет в машине весь вечер и всю ночь, если Иванькова впрямь занимается чем-то таким в офисе... Он, Шурик, тоже мог бы заняться чем-то таким в машине, но ни Иванькова, ни Сима в машину не придут... Сима способна на все, но этого не сде-

лает... Она, наверное, и сейчас валяется на диване...

– К черту! – сказал он вслух. – Работай!

Как ни неприятен был ему Иваньков, работал он на него, и в данном случае рогоносец обязан был получить достоверную и исчерпывающую информацию о личной жизни своей жены.

А Сима на диване, подумал он.

Мысль о Симе тревожила.

Сима могла прожить у него пару дней, потом исчезнуть на две недели. Ее отношения с мужем и сыном оставались для Шурика загадкой.

С такими тревожащими мыслями о Симе Шурик жил уже полгода.

Когда Лерка ушла, он долго не чувствовал ничего, кроме обиды и пустоты. Потом случилось дело Лигуши, он отвлекся, но возвращаться пришлось в пустую квартиру и, кроме обиды, он испытал еще что-то похожее на скуку. А потом – раздражение. Он был уверен, Лерка вернется. Она не звонила ему, он тоже не искал встреч, но был уверен – Лерка вернется. Войдет, бросит на пол чемодан, обязательно обругает его за невымытые чашки, за паутину под потолком... Когда Шурику рассказали, что Лерка вроде бы сошлась с каким-то чиновником Агробанка, он не поверил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.